

*Всё. Всё самое плохое — в моих снах.
Всё самое хорошее — в моих снах.
Самое плохое в моих снах, что они сразу забываются.
Самое хорошее в моих снах, что они сразу забываются.
Самое плохое в снах, что они иногда сбываются.
Пусть сны останутся снами.
Останутся с нами.
Снами.*

Некоторым людям проще вскрыть вены, чем открыть кому-то своё сердце. Сердце, онемевшее от застарелой боли и тоски. Обледеневший стальной моторчик, ритмично качающий кровь в обычном, ничем не примечательном двадцатилетнем теле. Девчонка как девчонка. Разве что с хирургической сталью, украшающей пронзенную в разных частях тела кожу, явный перебор. Металл внутри, металл снаружи, металл в голосе.

— Привет, я биоробот Кити. Живу на автопилоте. Ем, сплю, работаю, занимаюсь сексом, бухаю и даже иногда заливисто смеюсь. Вот только вся эта бурная жизнедеятельность мне глубоко пох, потому что я никогда никого не полюблю. Никогда. Никого. Ну и зачем тогда жить? Не знаю. Наверное, мне просто нравится жить. У меня есть то, что никто не сможет

отнять: мои сны и моя боль. Каждое утро я просыпаюсь счастливая. Счастливая, но ненадолго: пока не пойму, что проснулась. Знаю, что в этих беспмятных чудесных снах я с ним. С моим Егором. Хотя самих снов никогда не помню. Но может, что-то изменится. Я искренне надеюсь на это. Я — хренова оптимистка. Сказала — и самой смешно. Оптимистка Кити Китова, слышали? Это не та, на глазах у которой три года назад ни за что убили её парня? Точно-точно. Она самая. А после она с токсическим шоком по ошибке попала в морг, и маньяк-патологоанатом чуть не пустил её чахнувшее тело подетально на чёрный донорский рынок? Ну да, и это было. А потом, кажется, про неё написал какой-то гад в своей книге, и вся личная жизнь Кати стала достоянием каждого олигофрена, умеющего читать. Именно так. И за прошедшие три года Катя никого не полюбила, живёт с подружкой и хранит верность своему Егору? А вот это уже не ваше собачье дело. Так что оптимисткой, с таким неподъёмным багажом, я могу себя назвать только с явным саркастическим подтекстом.

Никогда... Никого... Сначала я хотела избавиться от этой бесконечной, не проходящей, ноющей, сверлящей, тупой боли, пыталась вырвать из памяти всё, что со мной случилось, забыть смерть Егора, забыть самого Егора, его руки, его глаза, его запах, перестать слышать его голос у себя в ушах, стереть его из памяти... Безжалостно жала на «delete» в своей голове. Но стало ещё хуже. И тогда я просто стала жить с болью. Сначала жить, потом дружить. Загнала боль занозой в сердце, а сердце — в грудную клетку. И живу. Надеюсь, что со временем боль уйдёт. Не ушла. Читала в «мудрых» женских журналах, что молодые женщины тоскую по бывшим любимым максимум два года. Фигня, не про меня. И кто только участвует в этих исследованиях? Да у вас даже за всю жизнь может не

быть сотой доли того счастья, которое могло случиться со мной. Могло, но не случилось. Видите, как у нас много общего? Зато у меня есть эта чёртова боль, или любовь, — мне всё равно, как её называть. А ещё я научилась прятать своё горе глубоко-глубоко. И другие чувства тоже.

Если бы не идиотская книжка, никто бы и не догадался, что когда-то я была эмо. Я теперь такая же, как все. Немного альтернативная. Худая, злая, спортивная. Пирсинг? Так у всех сейчас пирсинг. Татуировки? Теперь у каждого лоха с деньгами могут красоваться татушки на теле. Приходите в наш салон на Невском, и будете такими же красивыми. Небольшой продакт-плейсмент. На самом деле я люблю свой салончик. Работа не пыльная — украшать собою место, сидеть на телефоне, общаться с клиентами и трещать с мастерами. Вот. Жаль, универ пришлось бросить. А кто бы не бросил на моём месте, если каждый дебил при встрече тычет в тебя пальцем:

— Ой, смотрите, это же та самая Кити, про которую «ЭмоБой» написали! Ничего такая, хоть и эмо.

Тёлки — тоже такие заботливые — выстроились в очередь:

— Ой, Катя, нам так жаль Егора, такой ужас! А на кладбище что, всё так и было? Ничего не помнишь? Бедненькая!

— Да пошли вы все!

А пошла в итоге я.

Позёрские фанатики и в универе, и на лестнице в подъезде проходу не давали:

— Кити — ты наша икона! Кити, мы тебя любим! Эгор — наш герой!

Или вот ещё перл:

— А можно на Тик-Така посмотреть?

Ага, сейчас майку задеру. Вот он над сиськой — смотрите на здоровье!

Пришлось к Ритке переехать.

Вот так. Мало того что у меня на глазах убили любимого, мало того что меня живую чуть не продали на органы неизвестным ублюдкам, так ещё какой-то жалкий писака набредил целую книжку про мою жизнь. Придумал кошмарный Эмомир, который якобы живёт в моей голове, превратил Егора в мёртвого эмо-мстителя Эгора, который трахается то с королевой-бабочкой, то с безглазой куклой, но думает исключительно обо мне. Вот спасибо! В общем, срубил капусту на модном тренде, на головах с незажившими родничками, на чужих чувствах. Когда я увидела и прочитала этот бэд-трип, моим первым желанием стало найти и убить горе-писателя. Возникло гадкое чувство, будто меня на всеобщее обозрение выставили голой у позорного столба на Дворцовой площади, а люди ходят, смотрят, головами качают и языками причмокивают. Ритка, конечно, тоже в бешенство пришла. Ей в этой книжонке не меньше моего досталось. Куда только её хвалёное готическое спокойствие делось.

— Вот тварь! Не убить, так посадить его точно нужно! Никто не имеет права безнаказанно выставлять чужую личную жизнь на посмешище, перемазав её своим болезненным бредом. Ненавижу писателей!

Но потом мы поняли, что если его сейчас убьём или засудим, то книга, не дай бог, ещё и мировым бестселлером станет. А так пройдёт пара месяцев, и всё само-собой затихнет, уляжется. Н-да. Недооценили мы масштабы всей катастрофы. Три года прошло, а фанаты книжки никак не уймутся. Конечно, уже не так сильно достают, но если вдруг на улице узнают случайно — просто караул. Вот она, волшебная сила литературы, в одночасье меняющая наши жизни. Универ бросила, живу у Ритки, с отцом не отношения, а сплошной напруг — и всё из-за мерзкой кни-

жонки. Есть, правда, ещё одна причина, почему мы с Ритой подлого писателя не убили. Мы никак не могли понять, как ему удалось так точно наши сны описать. И очень испугались. Всю остальную инфу о нас он мог где-то раздобыть, бред об Эмомирке тоже полностью на его совести. Но наши сны! Как он проник туда? Как забрался в наши самые интимные места, в смысле в головы? Как украл наши сны? Странно, страшно и абсолютно непонятно. Поэтому мы решили отложить «ритуальное» убийство автора и пока с ним не встречаться.

Почему пока? Потому что у меня к нему уйма вопросов. Но я не знаю, чего я боюсь больше — не получить или получить на них ответы. За три года я так и не поняла, хочу или не хочу узнать правду. Ведь пока есть загадка, остаётся хоть какой-то шанс на чудо. На настоящее чудо. На то, что я встречу с Егором. Я понимаю, что это бред и розовые сопли. Он умер у меня на руках. И в чудеса я давно не верю, хоть и очень хочу верить! Зато верю в сны. Сны, которые у меня никому не отнять. Никогда. Никого. Только во сне. В моей жизни каждое утро есть пара минут радости. Пара минут между сном и явью. Время, когда я уже проснулась, но ещё не осознала это. На моём лице светится счастливая улыбка, которой не будет до следующего утра. Я знаю, что во сне опять была с Егором. Была во всех возможных смыслах этого слова. И буду снова, следующей ночью. В эти самые счастливые мгновения я ещё, видимо, помню свой сон, но как только я просыпаюсь окончательно, он проваливается в чёрную дыру памяти. Я совсем не помню своих снов. Но последние три года регулярно просыпаюсь совершенно счастливой. Пусть на мгновение. Но счастливой! Завидуйте мне.

Я решила вести дневник. Не блог, не жежешку, не страничку в соцсети, а настоящий олдовый дневник.